

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Счастливым человеком по фамилии Петров

Наш собеседник — известный советский композитор, народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР Андрей Павлович Петров. Он отдал музыке больше 30 лет своей жизни, написав за это время немало произведений, вошедших в золотой фонд советского искусства. Это оперы, балеты, симфоническая музыка и, конечно, песни. Некоторые из них, как например, «Я шагаю по Москве», пела вся страна.

Трудно даже перечислить названия тех фильмов, в титрах которых стояло имя этого мастера. Среди них «Путь к причалу», «Я шагаю по Москве», «Тридцать три», «Совсем пропащий», «Осенний марафон», «Берегись автомобиля», «Служебный роман», «Гараж».

— Андрей Павлович, заглянем мысленно в Вашу творческую лабораторию... Вот Вы пишете музыку. Как это все бывает! После прихода Музы или же в «рабочем порядке» — прозвенел будильник, встали, умылись, позавтракали, и в 9.00 за работу!

— Тут надо сразу сказать, что я пишу, как правило, музыку программную, то есть связанную с сюжетом, темой — исторической, революционной, современной. Я отталкиваюсь от каких-то конкретных образов, ситуаций. И первая стадия работы — это внутреннее погружение в соответствующий музыкальный материал, обстановку, стилистику...

— Несколько слов о том, что закончено Вами недавно.

— Наиболее для себя значимым из созданного в последнее время я считаю оперу-феерию «Маяковский начинается», премьера которой состоялась в Ленинградском театре оперы и балета имени С. М. Кирова в апреле прошлого года.

Вообще, сама тема оперы — становление революционного поэта — сложна донельзя, и спектакль потребовал максимального напряжения сил от всех участников и, конечно, в первую очередь, от дирижера, постановщика, солистов. Хотя я писал «Маяковского» не так долго: от «первой ноты» до премьеры прошло около двух лет, в это время я ничем другим больше не занимался.

— «Петр Первый», «Пушкин», «Маяковский начинается»... Эти произведения составляют как бы трилогию, посвященную ярким страницам отечественной истории, культуры, выдающимся ее представителям. Кстати, чем объясняется Ваша привер-

женность музыкальному театру!

— Немирович-Данченко как-то сказал, что для успеха в искусстве, кроме таланта и трудолюбия, необходим случай. Такой случай выпал и мне — я повстречал замечательных балетмейстеров Касаткину и Василева, которые позже ярко проявили себя и как режиссеры-постановщики, а также дирижера Ю. Темирганова. И встретились все мы в Кировском театре. Успех первого нашего спектакля — «Сотворение мира» — был значительный. А когда спектакль идет хорошо, делает аншлаги, тогда и отношение театра к тебе соответствующее. Потом «Петр I», также счастливый спектакль: группа его участников была удостоена Государственной премии. И я, и все мои друзья-соратники как бы окончательно завоевали доверие театра — и какого! Одного из лучших в стране. А это огромное дело, ведь театр — механизм очень сложный, частенько композитора встречают настороженно, а тем более, если первая попытка была неудачной...

А в той доброжелательной атмосфере, в которой оказалась я, работать было одно удовольствие.

— Андрей Павлович, как Вы определяете для себя новаторство в музыке? Критерии его, очевидно, меняются с течением времени. Каковы они сегодня?

— По-моему, я тут не открою ничего нового, новаторство — это все, что вступает в борьбу с академизмом, то есть с тем, что устоялось, стало привычным, общепринятым. Безусловно, представления о новаторстве меняются. В конце XIX — начале XX веков новаторство шло по пути ломки

традиционных представлений о гармонии, ритме, оркестре, об изобразительных приемах и средствах выражения. И к середине нашего столетия здесь были сделаны огромные завоевания, палитра выразительных средств расширилась до такой степени, что некоторые приемы так и не были, за редким исключением, освоены художественно. Естественно, что сейчас вести поиски по этой линии крайне трудно — кажется, что все уже открыто — вплоть до расщепления звука, всевозможных акустических эффектов.

Да и сама наша эпоха политической и идеологической борьбы, социальных споров вызывает к жизни искусство, способное наиболее полно и в то же время конкретно отразить те или иные волнующие вопросы.

Мы знаем, что именно такое искусство получало наибольшее распространение, становилось общественным явлением — от Ленинградской симфонии Шостаковича до антивоенных песен Боба Дилана.

— Выбор профессии был сделан сразу — решительно и бесповоротно! Вы, конечно, из музыкальной семьи!

— Вовсе нет. Мама у меня, например, художник. Я в детстве увлекался рисованием, литературой, о музыке особенно не помышлял, хотя немножко играл на рояле, потом даже на скрипке. Когда мне было 14 лет, мы вернулись в Ленинград из эвакуации. Снова театры, кино... Я посмотрел фильм «Большой вальс» — об Иоганне Штраусе. Картина оказала на меня огромное впечатление. Как там была показана профессия композитора — все легко, красиво, празднично! Во мне словно все перевернулось... Отныне я хотел быть только композитором. Меня с трудом, условно, но все же приняли в училище — был год окончания войны, недобор. Но, к счастью, я попал в хорошие руки и смог за два-три года заполнить в основном свои многочисленные пробелы.

— Как бы Вы охарактеризовали свой музыкальный стиль!

— Не знаю, может быть, я ошибаюсь, но думаю, что мне

присуще стремление к поэтическому, даже романтическому восприятию мира. Мне всегда были чужды, непонятны — и в искусстве вообще, и в музыке в частности — направления, близкие к натурализму. Я уверен, что даже какое-то жестокое явление в жизни должно быть в музыке обобщено, возвышено, опозитизировано.

Были периоды, когда песенный жанр становился для меня самым главным — я писал только песни, потом «возвращался» в серьезную музыку, но и в моих операх немало песенных форм, и в симфонической музыке некоторые эпизоды сделаны по принципу песенности.

— Как Вы считаете, Вы уже написали свою «главную» песню, или она еще впереди!

— Наверное, это прозвучит пессимистично, но думаю, что написал. Как правило, главные, как вы говорите, песни пишутся в молодости. Может быть, у меня еще будут неплохие песни, возможно, какие-то станут и популярными, но главная, если она есть, уже написана.

— А что Вы можете сказать о сегодняшней эстрадной песне!

— Эстрадный жанр — особый, самый мобильный и в то же время неустойчивый. Здесь всегда «сложно», всегда дискуссии, всегда кто-то кого-то осуждает. Чтобы убедиться в этом, достаточно полистать старые журналы. Сегодняшние же сложности, мне кажется, связаны со своеобразными парадоксами популярности. То есть, если когда-то раньше было популярно что-то одно — звучание, вид — например, джазовая песня, то теперь популярно... все. И народная песня, и французский шансон, и английские баллады, и рок, и диско — и все это на эстраде. Казалось бы, разнообразие можно только приветствовать, но среди такого количества разновидностей эстрадной песни не мудрено запутаться. Обилие музыкальной информации несет в себе угрозу — на «слух» может быть что-то вторичное, банальное, а талантливые произведения пройдут незамеченно. Но процесс этот неуправ-

ляемый, я думаю, сама жизнь делает свои акценты: что-то надоеет, что-то отойдет, что-то останется...

— Как Вы относитесь к современной рок-музыке!

— Как и к любому другому сложному, противоречивому явлению. Ни одно из других музыкальных течений, направлений не получило столь же широкого распространения, а потому, понятно, здесь много и позитивного, и негативного. Подчас в рок-музыке оперируют упрощенными музыкальными средствами, сведенными к минимуму приемов, и на помощь тогда приходит та же техника, позволяющая добиться всевозможных эффектов и необычных звучаний.

Одна из бед отечественного рока в том, что у нас несколько смещены критерии, и подчас неисклюшенные любители музыки просто не понимают, что плохо, а что хорошо. Да и пропагандируем мы порой далеко не лучшие образцы рок-музыки — и советской, и зарубежной.

Для рок-групп нужны свои песни, учитывающие законы жанра, — только тогда возможен успех. К примеру, песни, которые пишет А. Макаревич, — это рок-песни, и их практически невозможно исполнить в каком-либо другом стиле.

— И в то же время некоторые интересные, талантливые группы и исполнители продолжительное время остаются «в тени», тщетно дожидаясь своих пластинок. Вот сейчас, например, много говорят о самостоятельных и полупрофессиональных рок-группах: это «Аквариум», «Зоопарк», «Мифы», «Форсаж», «Пикинг», «Дилижанс», однако записи их достать весьма сложно.

— Да, оперативность в звукозаписи еще оставляет желать много лучшего.

— Андрей Павлович, можно на прощание нескромный вопрос!

— Попробуйте...
— Считаете ли Вы себя счастливым человеком!

— Мне грех жаловаться на судьбу: она свела меня с Кировским театром, я дружил и дружу со многими замечательными людьми, у меня есть любимое дело...

Разве я могу назвать себя несчастливый?

Беседу вел
А. БЛУДЫШЕВ.